
Э. В. Померанцева

РУССКАЯ СКАЗКА В УСТНОМ РЕПЕРТУАРЕ КОМИ

В последние годы в центре внимания советских этнографов — изучение этнических процессов, протекающих в культуре и быте народов СССР. Процессы эти многообразны, функционально различны и крайне динамичны. Исследователю приходится неукоснительно учитывать их постоянное движение. Недаром Ю. В. Бромлей выдвинул в качестве одной из главных задач этнографической науки «изучение динамики современных этнических систем»¹.

Задача эта стоит и перед фольклористами, поскольку среди компонентов национальной культуры именно фольклор — наиболее подвижное, наиболее динамичное звено этнической системы. При этом, несмотря на явное уменьшение удельного веса фольклора в народной культуре, его роль в качестве активного межэтнического явления еще очень велика.

Двуязычие, характерное для современной бытовой культуры национальных республик, влечет за собой постоянный обмен жанрами фольклора, в первую очередь сказками, преданиями и быличками. Исполнители этих жанров в зависимости от обстановки и состава аудитории легко переходят с одного языка на другой и включают в свой репертуар инонациональный материал — сюжеты, мотивы, образы, даже приемы из фольклора других народов. Естественно, что при этом фольклор претерпевает постоянную трансформацию на разных уровнях: не только текста, но и функций. Становясь общим народным достоянием, он прежде всего теряет роль «знака» той или иной национальности и приобретает новую, интегрирующую функцию.

В связи с изучением современных этнических процессов оживилась собирательская работа в большинстве национальных республик. Особое внимание стало уделяться выявлению роли фольклора в процессе становления новой общесоветской культуры, в частности взаимодействию разных национальных культур. Активизировалось исследование взаимопроникновения и взаимовлияния русского и инонационального фольклора.

Степень изученности этнических функций разных фольклорных жанров, их роли в процессе взаимодействия культур народов СССР различна. Достаточно детально рассмотрено взаимодействие песенных жанров в Молдавии, Карелии, Удмуртии, Мордовии. Взаимодействие же устной прозы изучено, пожалуй, только в Башкирии. Это связано с тем, что адаптация «чужой» песни более явна и очевидна, чем заимствование сказки, объясняющееся чаще всего типологической общностью.

¹ Ю. В. Бромлей. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности. — «Сов. этнография», 1977, № 1, с. 7.

Проницаемость, гибкость и приспособляемость устной прозы, облегчающие ее восприятие инонациональной и иноязычной средой, усложняют выявление в ней разных национальных традиций.

В 1979 г. вышел сборник статей «Отражение межэтнических процессов в устной прозе»². В нем рассматриваются молдавско-русско-украинские интерференции в сказке, взаимодействие русских и карельских преданий, этнические функции устной прозы народов Поволжья, общие сюжеты сказок русских и финно-угорских, русских и башкирских, русских и казахских, интерэтнические связи грузинских сказок. Вводная статья дает общую характеристику отражения современных межэтнических процессов в устной прозе. «Это однозначная и последовательная тенденция сближения традиций,— пишут ее авторы,— ассимиляции сюжетов и образов, обогащения репертуара новыми сюжетами, освоения иноязычных стилистических формул и приемов»³.

В настоящей работе делается попытка определить характер взаимодействия русской и коми устной прозы, в частности сказки. Именно только попытка, поскольку для досконального исследования этого сложного процесса необходимо знание коми языка, которым, к сожалению, автор не владеет, и ему остается надеяться на то, что попытка эта повлечет за собой аналогичные работы коми исследователей. Изучение конкретных фактов взаимодействия русского и коми прозаического фольклора необходимо для решения ряда вопросов о современных судьбах русского и коми фольклора, а также важнейших этнографических вопросов, в частности для определения характера интеграции и ассимиляции культур советских народов.

Многовековое соседство коми и русских, постоянное общение их в быту, общественной и хозяйственной жизни определили и характер этнических функций фольклора, бытующего на территории Коми республики.

В отличие от прошлого в настоящее время этнические функции фольклора, как правило, прогрессивны: чуждые националистическим тенденциям, они ведут к слиянию разных национальных традиций. Именно поэтому этнические функции сплошь и рядом не осознаются исполнителями фольклора и их слушателями. Так, например, многие русские сказки, вошедшие в репертуар коми и других народов СССР, исполняются и воспринимаются как исконно свои. То же можно сказать об элементах инонационального влияния, ощутимого в русских сказках, бытующих в национальных республиках.

Взаимопоглощение разных фольклорных традиций весьма характерно для направленности современных этнических процессов. Пути развития русского устно-поэтического творчества в национальных республиках, современные судьбы национального фольклора во многом определяют характер динамики народной культуры в целом.

Этноинтеграция — процесс крайне сложный, часто подспудный и противоречивый, поэтому при изучении любой национальной культуры, а тем более при изучении становления единой в своем многообразии советской культуры необходимо учитывать глубинность и многообразие народных традиций, в том числе и фольклора, продолжающих жить и в наши дни. Попытаемся при помощи анализа конкретных явлений рассмотреть характер взаимодействия русской и коми устной прозы.

Коми АССР включает в себя части таких бывших губерний Российской империи (Архангельская, Вологодская, Вятская, Пермская), которые отмечены на фольклористической карте многочисленными и богатыми записями русского традиционного фольклора. Достаточно вспомнить тексты, собранные до Великой Октябрьской социалистической

² «Отражение межэтнических процессов в устной прозе». М., 1979.

³ Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. Русская фольклорная проза и межэтнические процессы.—«Отражение межэтнических процессов в устной прозе». М., 1979, с. 17.

революции на Русском Севере А. Д. Григорьевым, Н. Е. Ончуковым, Ф. М. Истоминым, А. Н. Иваницким, материалы Русского географического общества и многие другие, а также записи советского времени (А. М. Астаховой, А. И. Никифорова, Н. П. Колпаковой, многочисленных экспедиций Пушкинского дома и Московского государственного университета), чтобы представить себе богатство и многообразие русского фольклора, бытовавшего и бытующего на нынешней территории Коми АССР и в соседствующих с нею районах.

Изучение коми фольклора началось в XVIII в., когда впервые были записаны «пермяцкие сказания», в частности предания о Пере-богатыре.

Важным этапом в исследовании и публикации коми фольклора явились книги Н. И. Надеждина «Народная поэзия зырян» (СПб., 1839) и А. М. Шегрена⁴, который еще в 1820-е годы занялся изучением коми фольклора. Большую роль не только в собирании, но и в пропаганде коми фольклора сыграли основоположник коми литературы поэт И. А. Куратов (1839—1876) и просветитель Г. С. Лыткин, переводивший коми сказки и песни на русский язык, а фольклорные тексты из хрестоматии К. Д. Ушинского — на коми.

Начиная с середины XIX в. и особенно в начале XX в. коми фольклор активно собирают и изучают русские, финские, венгерские и коми исследователи. Знаменательно, что многие из них рассматривают взаимоотношения русского и коми народного творчества, а коми исследователь К. С. Жаков посвящает этой теме специальную работу «Народная словесность зырян и русская сказка»⁵, в которой все совпадения в русской и зырянской сказке объясняет заимствованием.

В первые же годы Советской власти в Коми АССР разворачивается собирание фольклора, возглавляемое «Комиссией по созданию и собиранию литературы для школ и коми народа». Особенно широко эта работа проводится в 30-х годах, в частности И. А. Осиповым — собирателем и издателем коми фольклорной прозы. Тогда же сказки и предания коми публикуются на русском языке в сборниках «В парме» (М., 1936) и «Фольклор народа коми» (Архангельск, 1938)⁶. Последний сборник сыграл большую роль в ознакомлении русского читателя с коми фольклором. Приходится только пожалеть, что тексты в нем даны в литературной обработке Глеба Алексеева, значительно снижающей их научную ценность. Составители сборника обратили внимание на близость коми и русских сказок. Действительно, мы видим разительные совпадения сюжетов большинства коми сказок, вошедших в сборник, с сюжетами русских сказок.

Во вступительной статье к сборнику А. А. Попов подчеркивает, что «на фольклор коми влияние русское исключительно велико». Говорит он и о возможности обратного процесса, но, к сожалению, не раскрывает это предположение. А. А. Попов утверждает, что сказка — самый популярный фольклорный жанр у коми и что «хорошего сказочника очень чтили»⁷. Он справедливо отмечает роль солдатчины и отходничества в знакомстве с русской сказкой. «Если сопоставить коми сказки со сказками из собраний Зеленина, Иваницкого, Ончукова, — пишет он, — то факт взаимопроникновения сюжетов можно определить совершенно отчетливо»⁸. В сборник включены и предания⁹, но, к сожалению, в столь вольном пересказе, что невозможно сопоставить их с преданиями других на-

⁴ A. Sjögren. Die Syrjanen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch. СПб., 1861.

⁵ Архив РГО, разр. 53, оп. 1, № 15.

⁶ Подробнее об этих сборниках см. Г. Г. Бараксанов, В. И. Мартынов. Развитие коми филологической науки. Сыктывкар, 1975, с. 21—26.

⁷ «Фольклор народа коми». Архангельск, 1938, с. 30—33.

⁸ Там же, с. 33, 34.

⁹ Там же, с. 39—67, 303—306.

родов, однако они представляются крайне далекими от русского фольклора.

Иначе дело обстоит со сказкой. В сборник вошло небольшое количество сказок о животных, всего 12 текстов¹⁰. Часть из них очень близка к русским текстам. Таковы сказки о медведе и его трех женах, о лисеплачье, о петухе и жерновах, о мыши и воробье. Даже в сказках, сюжеты которых не имеют точных аналогий с русскими, множество общих мотивов с русским прозаическим фольклором. Чрезвычайно много совпадений с русским фольклором в волшебных сказках, которые широко представлены в сборнике¹¹. Несомненно, особенно в случаях контаминации отдельных разноразовых мотивов, есть основания предполагать, что в первоначальную коми сказку с течением времени, возможно при воздействии книги, вошли инонациональные, причем не только русские, элементы.

Что касается бытовых сказок, то многие из них являются пересказами, подчас неудачными, русских и даже гриммовских сказок.

Несмотря на недостатки сборника (литературная обработка, слабые комментарии), он все же дает русским читателям большее представление о прозаическом коми фольклоре, чем вышедший 20 лет спустя небольшой сборник, составленный Ф. В. Плесовским¹². Сборник этот, видимо, рассчитан на широкого читателя: в нем нет не только вступительной статьи, но и указания источников, из которых почерпнуты тексты. Очевидно, в основе его — сборник «Фольклор народа коми». Тексты даны в литературной обработке Надежды Белинович и совершенно лишены национального колорита. Следовательно, для нас в нем представляют интерес только сведения о сюжетах. Любопытно, что из 21 текста, вошедшего в сборник, 14 представляют собой крайне близкие параллели к русским сказкам, а один — явный пересказ русской сказки об Андрее-стрельце. Нельзя, конечно, утверждать, что все эти сказки заимствованы из русского фольклора, можно лишь констатировать близость русских и коми вариантов одних и тех же сюжетов, причем настолько большую, что она вряд ли может быть объяснена типологически.

Записанные тексты, наблюдения собирателей, труды исследователей говорят о том, что давнее близкое соседство и постоянное взаимодействие русских и коми в разных сферах хозяйственной и общественной жизни заметно отразились на их материальной и духовной культуре. Этнограф Л. П. Лашук подчеркивает, что «процесс формирования коми-зырянской народности протекал в обстановке теснейшего контакта с соседним русским населением и при заметном участии в нем русского этнического начала»¹³.

По наблюдениям Л. П. Лашука, в процессе этого векового взаимодействия русский и коми языки взаимно обогатились¹⁴. Тесными связями с русскими он объясняет многие изменения, происшедшие в бытовом укладе коми. Убедительно мотивировано им и следующее важное положение: «Непрерывно возрастающее русское влияние наслаивалось на исконные местные традиции и в совокупности с ними создавало особый этнографический колорит, характерный для всего края Коми»¹⁵. Для нас важно, что в своем исследовании этнограф опирается на свидетельства фольклора, анализирует сказки о Еме-бабе, параллельные русским сказкам о Бабе-Яге, о Гундыре, образ которого близок к Змею-Горынычу русской сказки, а также особенности свадебного обряда и культа промысловых животных, птиц и рыб¹⁶.

¹⁰ «Фольклор народа коми», № 13—24.

¹¹ Там же, № 25—58.

¹² Ф. В. Плесовский. Коми народные сказки. Сыктывкар, 1958 (2-е изд.—1975).

¹³ Л. П. Лашук. Формирование народности коми. М., 1972, с. 253.

¹⁴ Там же, с. 261.

¹⁵ Там же, с. 268.

¹⁶ Там же, с. 284.

С. И. Дмитриева, рассматривая фольклор и изобразительное искусство русских на Мезени, говорит «не только о непосредственных контактах русских с их соседями, но и о более глубоких процессах, связанных, вероятно, с ассимиляцией русскими отдельных групп коми». Из собранных ею материалов она даже делает вывод, что «контакты русских с коми имеют еще более глубокие корни», что они дают право установить общий субстрат, вошедший в состав обоих народов¹⁷.

Исконность и древность связей коми с русскими и ранее отмечали многочисленные исследователи: историки, этнографы, фольклористы. Неоднократно об этом упоминается и в недавно вышедшем коллективном труде по истории Коми АССР. Один из ее авторов, Л. Н. Жеребцов, пишет о наличии в фольклорном репертуаре коми в эпоху феодализма заимствованных «особенно у русских соседей» произведений¹⁸. Об этом же, в частности о роли политических ссыльных и отходников в качестве «передатчиков» русского фольклора, пишет и другой автор, Я. Н. Безносиков, в главе, посвященной культуре Коми края в эпоху капитализма¹⁹.

Естественно, что воздействие русской культуры, в том числе и фольклора, на материальную и духовную культуру коми значительно усилилось после Великой Октябрьской социалистической революции, чему немало содействовали профессиональное и самодеятельное искусство, а также школа, радио и телевидение. Наиболее существенные результаты в этом отношении были достигнуты в послевоенный период. Характеризуя их, Я. Н. Безносиков подчеркивает значение взаимопроникновения и взаимообогащения культур советских народов: «Культура коми народа обогащалась за счет произведений братских республик и сама влияла на духовную жизнь других народов страны»²⁰. В этом процессе взаимодействия духовной культуры двух народов роль фольклора — песен, сказок, пословиц — не менее важна, чем роль языка. Еще в 80-х годах XIX в. Ф. М. Истомин писал А. Н. Пыпину: «Зыряне на Печоре, ничего не знающие по-русски, поют русские песни и даже былины»²¹.

Большую роль в деле собирания и изучения коми фольклора сыграла организация в Сыктывкаре Института языка, литературы и истории при Коми филиале АН СССР (1970 г.) и филологического факультета Сыктывкарского государственного университета (1972 г.), который ежегодно проводит фольклорные экспедиции. Особо следует отметить роль заведующего кафедрой коми литературы университета проф. А. К. Микушева, неутомимого собирателя, талантливого исследователя, организатора многочисленных экспедиций Коми филиала АН СССР и университета.

Недавно вышел первый том «Истории коми литературы», целиком посвященный фольклору, в котором подведены итоги многолетней работы, проведенной в Коми АССР по изучению устного народного творчества. Большое внимание в нем уделено взаимодействию устной прозы, в том числе и сказкам коми и русских²².

Несмотря на то, что задачей данной статьи является анализ взаимодействия русской и коми прозы последних лет, я позволю себе остановиться на современном песенном творчестве коми, поскольку принципи-

¹⁷ С. И. Дмитриева. О роли субстрата в сложении этнических групп Русского Севера (По материалам фольклора и изобразительного искусства). — «История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь, 1978. Доклады советской делегации». М., 1978, с. 279, 280.

¹⁸ «История Коми АССР с древнейших времен до наших дней». Сыктывкар, 1977, с. 380.

¹⁹ Там же, с. 116.

²⁰ Там же, с. 197.

²¹ Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. А. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 621, № 350, л. 210 об. (свидетельство это обнаружено М. Я. Мельц).

²² «История коми литературы». Сыктывкар, 1979, с. 112.

ально, в своих основных тенденциях, процессы, происходящие более явно в песенном и более подспудно в прозаическом репертуарах, едины. Песенный фольклор коми достаточно хорошо изучен, и это поможет нам вскрыть аналогичные явления в устной прозе. Крайне продуктивны посвященные народным песням исследования А. К. Микушева и П. И. Чисталева. «Процесс взаимосближения национальных культур в наше время развивается с прогрессирующей силой,— пишет П. И. Чисталев,— поэтому комплексное изучение таких закономерных процессов является важной задачей этнографов, музыковедов, филологов, искусствоведов, социологов»²³. Эти положения подтверждаются материалами экспедиций 1950—1970 гг., а также пространными исследовательскими отчетами их руководителей, прежде всего А. К. Микушева, содержащими интереснейшие наблюдения над бытованием фольклора в обследуемых районах и имеющими большое научное значение.

Собранные материалы убедительно говорят о том, что русская песня легко и органично вошла в инонациональную систему — в песенный репертуар коми, вошла либо в цельности текстов и сохраняя свои исконные функции, либо изменяясь текстуально и функционально, однако всегда своеобразно воздействуя на песенную традицию.

Можно думать, что таков же процесс взаимодействия коми и русской устной прозы. Однако установить конкретные факты этого взаимодействия сложнее, так как инонациональные элементы в устной прозе любого народа менее явны, чем в его песенном фольклоре.

Общность русского и коми прозаического фольклора отмечали многочисленные собиратели русского фольклора, работавшие до революции на территории современной Коми республики; интересовала она собирателей и в последние десятилетия.

Среди материалов экспедиций, проводившихся Коми филиалом АН СССР, Коми государственным педагогическим институтом и Сыктывкарским государственным университетом, несмотря на то что основное внимание их участников было направлено на изучение песен, есть достаточно большое количество прозаических текстов и сведений о репертуаре сказочников. Если в изучении песенных процессов ведущую роль играют наблюдения и исследования А. К. Микушева, то в собирании и исследовании коми устной прозы и ее взаимодействия с русской прозой несомненны заслуги Ф. В. Плесовского.

Характерная черта всех сказочных текстов, записанных Ф. В. Плесовским на коми языке,— многочисленные русские вставки: отдельные выражения, иногда целые фразы или половины фраз. В результате создается впечатление своеобразного коми-русского текста. Ряд подобных сказок имеется в репертуаре сказочника Т. С. Высоких, среди них и сказка «Дупляной Микола»²⁴. В репертуаре другого сказочника, И. В. Жданова,— два пересказа былины об Илье Муромце, сказка «Олешенька, сын Попович», сказки о Барме, о Василисе Прекрасной, о Петроване²⁵. Среди записей, сделанных Ф. В. Плесовским в 1968 г. в Сыктывкарском районе, сказки «Прокотей прапорщик» и «Крестьянин и Микита». В последней немало русских вставок, например: «Здравствуй, Микита!», «Здравствуй, незнакомый морт странник!»²⁶. Текст сказки о принцессе Велинаме пестрит русскими словами: «значит», «конечно», «если», «но ладно», «поединок», «половина царства», «но вот на трое суток», «и вот», «славной», «женщине»²⁷. Много русских слов и в рассказанных на коми языке сказках о Незнайке, Бове, Святогоре²⁸.

²³ «Этнография и фольклор коми». Сыктывкар, 1976, с. 31.

²⁴ Архив Коми филиала АН СССР, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 187.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, ед. хр. 312. Слово морт на языке коми означает человек.

²⁷ Там же, ед. хр. 334.

²⁸ Там же, ед. хр. 473, 969.

В Удорском районе Ф. В. Плесовский записал на коми языке популярную русскую волшебную сказку об Андрее-стрельце, часто встречающуюся в репертуаре севернорусских сказочников²⁹. В 1969 г. в Ижемском и Печорском районах все сказки, в отличие от песен, частушек и считалок, среди которых много русских текстов, Ф. В. Плесовским записаны, а следовательно, и рассказаны ему на коми языке, несмотря на наличие в них явно русских сюжетов, например об Анике-воине, о Соколе и Вороне, о шуте Балакиреве. Во всех этих текстах много не только русских слов — «давай», «значит», «бабник» (!) — и целых фраз, но есть и русский зачин: «Некотором царстве, некотором государстве жил-был крестьянин». В сказке о Гуане Гуановиче фигурируют царь Додон, Гвидон, Людмила-царевна³⁰.

И в записях, сделанных в Печорском районе в 1972 г., в текстах коми сказок бросается в глаза большое количество русских слов («вот сатана», «но ладно», «враг народа») и даже ругательств³¹. В коми сказке о сластолюбивом попе его молитва и диалог с «дамочкой» даны на русском языке; здесь же и «вешняя память», и «поди ж ты в рай (в ад, в общий барак)». На коми языке рассказаны русские сказки «Дедушка», «Иван Коровин», «Арко Аркович»³². И тот факт, что в репертуаре слепого рассказчика Прилузского района П. А. Леканова ощущается, по словам Ф. В. Плесовского, значительное влияние текстов «Тысячи и одной ночи», свидетельствует в сущности о воздействии на коми фольклор русской книги, так как сказки эти слепому сказочнику по-русски читали вслух школьники³³.

Ту же языковую картину мы видим и в записях других собирателей. Так, например, А. К. Микушев установил в 1957 г. бытование среди коми в Усть-Куломском районе на русском языке преданий о богатыре Пере, о происхождении некоторых сел, о раскольниках, о пустынноике, а также ряда сказок, среди которых «Князь Владимир и его три сына», «Три солдата», «Солдат Василий», «Елена Прекрасная»³⁴.

На основании наблюдений, сделанных в Ижемском районе в 1958—1959 гг., А. К. Микушев говорит о явном преобладании в ижемском фольклорном репертуаре песен, о том, что собирателям удалось встретить лишь немногих сказочников, от которых они записали незначительное число сказок о животных, волшебных и бытовых, а также сказок на сюжеты русских былин. Большая часть этих сказок имеет близкие аналогии в русском фольклоре. Однако вряд ли на этом основании можно делать решительный вывод об их русском происхождении. Любопытна среди этих текстов анекдотическая сказка о том, как коми учились говорить по-русски³⁵.

В 1960 г. А. К. Микушев в том же районе записал несколько волшебных и бытовых сказок, причем последние, а также сказки о животных поразили его своим необычно большим размером. В отчете он отмечает популярность сказок о дураке, перехитрившем чертей, о неверной жене, о ловком воре, о попе и работнике. Популярности этих сказок способствовало, возможно, и наличие их в репертуаре русских соседей. Отмечает А. К. Микушев и бытование в коми сказочном репертуаре сказки о Миколке Дупленском, сюжет которой известен многим угро-финским народам в близких к русской версии вариантах. А. К. Микушев в 1963 г. записал 35 сказок и преданий, среди последних — предания о чуде, о новгородских ушкуйниках, о Стефании Пермском, о силаче Юрке³⁶. В репер-

²⁹ Архив Коми филиала АН СССР, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 217а.

³⁰ Там же, ед. хр. 172.

³¹ Там же, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 89.

³² Там же, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 199.

³³ Там же, ед. хр. 163.

³⁴ Там же, ед. хр. 195 и 196.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, ед. хр. 205.

туаре сказочницы М. В. Козловой оказались явно лубочные по происхождению тексты (об Илье Муромце и др.), причудливо сочетающиеся с современными бытовыми деталями, упоминанием школы, электричества, Ленинграда ³⁷.

Наблюдение А. К. Микушева, что коми-русские контаминации характерны для современного фольклора, бытующего в Коми республике, касается не только песен, но и сказок. Сплошь и рядом коми сказки, записанные в 1963 г. Вычегодско-Вымской экспедицией, начинаются русским зачином «Жили-были дед да баба, ели кашу с молоком», или «В некотором царстве, именно в том, в котором мы живем», или после указания, что это не сказка, а присказка, сказочник говорит: «Сказка во середу, да на будущей недели, самой среде. Жил-был царь, на боку спал». Сказочное повествование прерывается русскими фразами: «Пашет, пашет, заклинается, да Ваня дома дожидается» ³⁸.

Все это говорит не только о двуязычии той среды, в которой живет сказка, но и о том, что рассказчики, несомненно, знакомы с русскими сказками, восприняли их характерные приемы, в частности присказки и рифмованные формулы. Аналогичные явления встречаются и в записях других экспедиций, что дает основание считать их типичными. Детальные, исчерпывающие, глубокие наблюдения А. К. Микушева не только над песенными жанрами, но и над жизнью и бытованием сказок подкреплены материалами, собранными Ф. В. Плесовским и другими исследователями. Так, например, языковед Т. Я. Фролова в 1968 г. устанавливает, что в Сысольском районе, где повсеместно поют частушки по-русски, русские сказки рассказывают на коми языке ³⁹.

В. В. Тимин в 1966 г. в коми прозе отмечает наличие пересказов об Илье Муромце и Святогоре ⁴⁰. Заслуживает внимания сборник Г. А. Федорова «Шокшинские сказки» ⁴¹. Тексты в нем — на коми языке, сведения же о сказочниках даны по-русски. Среди многочисленных сюжетов, представленных в сборнике, привлекает внимание значительное количество несомненно русских по своему происхождению сказок: «Добрыня Никитич», «Милорд», «Франциль», «Иван — крестьянский сын», «Емель», «Курочка да петух», «Котофей Иванович», «Портупей», «Бова», «Еруслан», «Лазарь», «Илья Муромец», «Иван Быкович», «Гуак», «Незнайка», «Дупляной Микола». Перечень этот говорит не только о проникновении многих сюжетов русских сказок в национальный репертуар, но и о том, что это преимущественно сюжеты лубочных сказок. Последнее лишний раз указывает на значение книги, в частности лубочных текстов, как проводника русских сказок в фольклор народов СССР. В данном случае возможны два пути проникновения лубочной сказки в коми фольклор: непосредственно из книги и через русский фольклор.

Среди материалов, записанных в 1974 г. экспедицией Сыктывкарского государственного университета в Сысольском районе, много русских сказок, рассказанных на коми языке: о Семилетке, о жадных братьях, погубивших друг друга, о трех братьях, один из которых делает все невпопад. Сказки эти полны деталей, характерных для коми фольклора. Несомненный интерес представляет рассказ одного из русских информаторов «Как ходили к пермякам» (об отхожих промыслах пимокатов и портных), раскрывающий один из каналов обмена фольклором между русскими и коми.

На коми языке записана сказка о медведе на липовой ноге, однако (знаменательная деталь!) песенка медведя приводится информатором на

³⁷ Архив Коми филиала АН СССР, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 205, л. XII.

³⁸ Там же, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 233. Особенности эти отмечены в статье А. К. Микушева.

³⁹ Там же, ед. хр. 291.

⁴⁰ Там же, ед. хр. 93, 94.

⁴¹ Там же, ед. хр. 81.

русском языке; это свидетельствует о том, что сказка заимствована из русского фольклора, возможно из книги.

Сказка «Лапоть, спичка» — коми вариант популярной русской сказки «Мена». В сказке «Иван-дурак» использован русский мотив сказки о лисе, ворующей у старика рыбу. Сказка «Дядя-дядя» — коми вариант сказки об Аленушке и братце. Сказка о девушке в красном платке — вариант сказки о женихе-разбойнике. Сказка «Дядя величиной с палку» близка к русской сказке о Морозке. Вариантом сказки о лисе-плачье является сказка об упрямой жене; вариант «Безручки» — сказка «Сирота». Близка к русским источникам сказка о царе Салтане. Не имеют близких аналогий с русским фольклором лишь сказки о «вороной лошади» и «Мышь и сорока». Интересно, что записанные той же экспедицией песни поются преимущественно на русском языке, правда, сплошь и рядом они искажены до бессмыслицы.

Материалы этой экспедиции, в частности тексты сказок, очень показательны для взаимоотношений русской и коми фольклорных традиций, настолько близких друг другу, что невозможно точно установить, имеем ли мы дело с текстами, восходящими к одной праоснове, однородными типологически или заимствованными.

Видимо, так же как в ряде районов можно говорить о своеобразном коми-русском языке, в данном случае можно говорить о коми-русской сказке.

Все рассмотренные нами материалы записаны экспедициями и отдельными исследователями, в задачи которых входило собирание и изучение коми фольклора. Лишь в последние годы сыктывкарские фольклористы приступили к записи и русского фольклора, бытующего на территории Коми АССР.

Сушественное значение для интересующей нас проблемы имеют материалы, хранящиеся в архивах Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома) и кафедры фольклора Московского государственного университета.

В 1961 г. на р. Вашке работала экспедиция Пушкинского дома, руководимая Т. И. Орнатской. В экспедиции принимал участие и Ф. В. Плесовский⁴². Целью экспедиции был сбор песен и причитаний, но и сказки не ускользнули от ее внимания. В развернутом отчете и статьях, посвященных результатам экспедиции, Т. И. Орнатская приводит чрезвычайно интересные сведения, подробно характеризуя выявленную экспедицией близость культуры русского и коми населения на Вашке, проявляющуюся в постройках, одежде, быте, обрядах. Она отмечает, что в языке местного коми населения большое количество русских слов, что женщины, плохо в отличие от мужчин знающие русский язык, тем не менее поют русские песни и на русский манер причитают коми словами, знают много русских частушек и охотно их исполняют.

По свидетельству Т. И. Орнатской, в 1961 г. нетрудно было найти сказочников. Большинство их — мужчины, отлично владевшие русским языком, рассказывавшие сказки с равной охотой и легкостью как по-русски, так и на коми языке. Ф. В. Плесовский, записывавший бытующие на Вашке коми сказки, отметил любопытную их особенность: эти сказки мало известны среди русских, но в сюжетах их переплетаются мотивы различных русских сказок. Большая же часть коми сказок, утверждает он, представляет собой варианты русских сказок, хотя в некоторых из них наличествуют оригинальные мотивы коми фольклора⁴³. Экспедиция Пушкинского дома еще застала на Вашке такой этап жизни сказочной традиции, когда почти в каждой деревне был сказочник, пользовавшийся известностью среди своих односельчан. Один из встреченных собирате-

⁴² «Историко-филологический сборник», в. 8. Сыктывкар, 1963, с. 161—174.

⁴³ Там же, с. 172.

лями сказочников (Е. Г. Коровин, 72 года) рассказывал на коми языке сказки, почерпнутые им из лубочных изданий, другой (В. А. Серов, 60 лет) — из «Тысячи и одной ночи». Сказочница М. С. Конева сообщила, что прежде в лесу в великий пост сказки «все по-русски сказывали». «Раньше каждый сказки знали», — заявила она. Собиратели убедились, что почти каждый сказочник может рассказать сказки об Илье Муромце, Алеше Поповиче и Добрыне Никитиче.

Все это позволило Т. И. Орнатской сделать следующий неопровержимый вывод: «Произведения русского фольклора вошли органической частью в национальную культуру коми как следствие многовекового соседства этих народов, обеспечившего большую общность в их материальной и духовной культуре»⁴⁴.

Среди материалов экспедиции несколько прозаических текстов, рассказанных коми сказочниками на русском языке⁴⁵. Один из них⁴⁶ представляет собой разговор нескольких женщин, обсуждающих деревенские события: медведь утащил корову, а двух задавил в хлеву; медведь задавил лося; свекор послал снох голодными на сенокос. Эти рассказы воссоздают картины быта, хозяйственной и семейной жизни на Вашке. Показательно, что среди небольшого числа зафиксированных Т. И. Орнатской прозаических текстов — сказка об Илье Муромце, рассказанная П. С. Бажуковым (53 года)⁴⁷. Сказку эту информатор запомнил еще мальчиком со слов прохожего, но знает, что «книга была такая». Сказка представляет собой, как это характерно для лубочных текстов, контaminaцию былинных сюжетов, связанных с именем Ильи: об исцелении Ильи, о бое с Соловьем-разбойником, о заключении Ильи, о победе его над татарами. Кончается она тем, что Илья отказывается от награды (полцарства) и идет в церковь читать книги. Рассказано все это на ломаном русском языке со специфическими ошибками. Говоря о том, что Илья отличается от княжеских богатырей, сказочник замечает: «он не развитый такой»; жена князя «воспитывает» Илью, т. е. кормит его в заточенье. В тексте ряд современных деталей, например богатырский конь «поскакивает по километру».

Среди материалов, собранных на Вашке, интересен вариант скомошины о госте Терентьище, записанный от А. Д. Коневой (76 лет)⁴⁸. Особенно любопытна перекликающаяся с текстом из сборника Кириши Данилова песенка солдата, разоблачающего шашни неверной жены простодушного мужика: «Поглядывай, кулек, да посматривай, кулек...». Интересна и редкая сказка «Иван-лапоть», записанная от В. С. Бажукова (35 лет)⁴⁹, который слышал эту сказку о заячьем пастухе от бабушки и, очевидно, несколько осовременил ее: когда Иван заиграл на балалайке, «зайцы стали плясать, целовать Ивана, такой концерт стали показывать». Своеобразным вариантом сказки о беспечальном монастыре, широко представленной в мировом фольклоре, является рассказанная тем же сказочником «Побывальщина о Петре I и попе»⁵⁰. Его же сказка о жадном попе использует мотивы соревнования работника с бесенком, возможно восходящие к сказке Пушкина, и кончается тем, что работник за ухо приводит из леса медведя⁵¹. Очень сумбурно, несладко изложена рассказчиком «Сказка о Марье-сироте и Иване, русском богатыре», частично использующая мотивы сказки о царе Салтане⁵². Итак, все эти сказки не только рассказаны коми сказочниками на русском языке, но и

⁴⁴ Архив Пушкинского дома, колл. 219, папка 1—2, л. 2—8.

⁴⁵ Там же, № 147—153.

⁴⁶ Там же, № 153.

⁴⁷ Там же, № 147.

⁴⁸ Там же, № 148.

⁴⁹ Там же, № 149.

⁵⁰ Там же, № 150.

⁵¹ Там же, № 151.

⁵² Там же, № 152.

являются распространенными русскими сказками, перекликаются с былинными сюжетами и не чужды влияниям русской книги.

Аналогичную картину застала на Вашке 16 лет спустя, в 1977 г., и фольклорная экспедиция МГУ, руководимая Н. И. Савушкиной. Участники экспедиции от коми рассказчиков записали на русском языке большое количество быличек и поверий. Среди них повествования о Яксе, которая бегаёт по лесу и ловит людей, о колдунах, которых информаторы называют «еретиками». Особенно много текстов о том, как «еретики» превращают людей в медведей и как они сами могут при желании обернуться медведем. Утверждают, что в лесу живет человек-медведь, а в озере «такая обезьяна, чешет длинные волосы».

Отличительная черта всех этих рассказов — их «достоверность», «документальность», подкрепленность, согласно нормам жанра-мемората, ссылками на свидетельства очевидцев, на родственные отношения с человеком, превратившемся в медведя, указаниями места действия, имен, дат. Таков, например, рассказ о том, как колдунья в 1918 г. превратилась в медведя, многочисленные рассказы-«наблюдения» о медвежьем празднике на Воздвижение, рассказ о том, как у убитого медведя под шкурой обнаружили солдатский пояс. Эти былички коми информаторы рассказывают на русском языке. Студенты записали много преданий о чуди — предках коми, о местном легендарном силаче. Они отмечают, что коми предания о чуди совпадают с текстами, записанными в русских селах. Всего в 1977 г. экспедицией МГУ записано 222 предания, 105 легенд, 398 быличек⁵³.

В плане изучения русско-коми фольклорных связей представляют несомненный интерес зафиксированные В. М. Кудряшовой в марте 1978 г. в Лешуконском районе Архангельской области русские былички о нечистой силе. Они, как и былички и предания, записанные студентами МГУ, в равной степени могут принадлежать как русским, так и коми, этим и объясняется легкость их перехода из одного репертуара в другой. В равной же мере для русских и коми преданий специфичен интерес к чуди и великанам, а для быличек — к превращению человека в медведя.

Н. И. Савушкина попыталась на основании собранных экспедицией 1977 г. произведений несказочной прозы осветить характер взаимодействия русской и коми фольклорной традиций⁵⁴. Рассмотрев произведения несказочной прозы, записанные от коми в Удорском районе, и сопоставив их с русским фольклором, бытующим по соседству, Н. И. Савушкина выделила три типа общности и взаимодействия их: 1) общий сюжетный фонд преданий, основанных на исторических событиях; 2) типологическое сходство мотивов преданий и быличек; 3) заимствование сюжетов и мотивов легенд⁵⁵. Нам представляется, что выводы Н. И. Савушкиной можно распространить и на предания, опубликованные в сборнике коми фольклора в 1938 г. Правда, они даны в пересказе и поэтому во многом утратили национальные особенности. Однако сюжеты их сохранили свою специфику: в центре их всех — человек необычайной силы и вместе с тем простодушный⁵⁶. Этот же образ ярко выступает в преданиях, собранных через 40 лет после выхода сборника. Уместно вспомнить слова Ф. В. Плесовского по поводу преданий, записанных им от коми-пермяков и от русских, живущих в близком соседстве с коми: «Эти записи свидетельствуют о взаимовлиянии, взаимопроникновении в устной поэзии коми и русских. Предания о коми-богатырях, бытующие среди русских, говорят также

⁵³ Архив кафедры фольклора МГУ. Материалы фольклорной экспедиции 1977 г.

⁵⁴ Н. И. Савушкина. Взаимодействие русской и коми фольклорных традиций в жанрах несказочной устной прозы. — «Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1971—1977 г.». Ереван, 1978, с. 221, 222.

⁵⁵ Там же, с. 222.

⁵⁶ «Фольклор народа коми».

о том, что ассимиляция носителей фольклора не всегда приводит к забвению произведений народного творчества ассимилируемого народа»⁵⁷.

Экспедицией МГУ в 1977 г. было записано от коми на русском языке и значительное число сказок — 193 текста, из них 36 текстов волшебных сказок⁵⁸. При первом же взгляде на эти тексты бросается в глаза очевидное воздействие на них книжных источников. Это прежде всего многочисленные рассказы об Илье Муромце, явно восходящие к книге. Однако есть и «чисто» фольклорные тексты, причем такие, которые могли или прийти устным путем, или возникнуть и в той и в другой этнической среде самостоятельно. Это сказка о Миколке Дупленском, о мужике, перехитрившем трех попов, о Незнайке, о Петре I и солдате, рассказы о пошехонцах. Независимо от источника все эти сказки рассказчиками и их обычными слушателями считаются исконно своими. Так, например, рассказав вариант повсеместно распространенной сказки «За скалочку гусочку», сказочница заявила: «Это коми сказка, местная, нигде не писана». Из числа волшебных сказок наиболее популярными оказались сказки о Сивке-Бурке (7 текстов), о мачехе и падчерице (6 текстов), о царевне-лягушке (4 текста). Персонажи этих русских сказок сохраняют свой традиционный облик, имена же их получают несколько иное звучание: Незнайка-Кусайка, Марпида Премудрая и т. п. Любопытны местные анекдоты о взаимоотношениях коми и русских, в частности о комических случаях, вызванных незнанием языка.

Если легко определить местное происхождение ряда преданий и быличек, то относительно многих традиционных волшебных и бытовых сказок, являющихся вариантами общемировых сюжетов, трудно, а может быть, и невозможно твердо сказать, результат ли они заимствования или же сходство их объясняется типологически. Во всяком случае, в формировании сказочного репертуара коми сыграли свою роль обе эти равнодействующие предпосылки. Даже тогда, когда мы имеем дело с русскими сказками, заимствованными коми, возможно, и не очень давно, мы убеждаемся, что эти сказки не только переведены с русского на коми язык, но и подверглись активной творческой обработке в воспринявшей их инонациональной среде.

Лишь постепенно заимствованные элементы русской сказки (сюжеты или мотивы) теряли свое национальное лицо, приобретая иное обличье, переставали отличаться от исконной коми сказки. Особенно длителен этот процесс при превращении в коми сказку сюжетов русских былин, когда помимо языкового барьера роль преграды играет и чуждое содержание, и непривычность аксессуаров былинного мира.

Для того чтобы досконально показать этот процесс, необходимо сопоставление конкретных русских и коми текстов; это могут сделать только исследователи, владеющие обоими языками.

Несомненно, что и коми сказки проникали в русский фольклор, но они быстро ассимилировались, и поэтому элементы их в русской традиции, как правило, трудноуловимы.

Так, например, в сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки»⁵⁹ мы видим многочисленные параллели с сюжетами коми сказок, однако этого недостаточно для решения вопроса о взаимодействии двух национальных традиций. То же можно сказать о преданиях о чуде, записанных М. М. Пришвиным от лопарей и напоминающих не только коми и русские, но и карельские предания⁶⁰. Своеобразны в сборнике Ончукова записи рассказов про зырян (№ 23 и 30), а также рассказов зырян об усть-цилемцах (№ 25 и 26). Все эти тексты свидетельствуют о бывшей национальной

⁵⁷ Ф. В. Плесовский. Коми-пермяцкие песни.— «Историко-филологический сборник», в. 8, с. 130.

⁵⁸ Архив кафедры фольклора МГУ. Материалы фольклорной экспедиции 1977 г.

⁵⁹ Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1909.

⁶⁰ Там же, № 100—203.

розии, пародируют зырянский язык, полны насмешек над зырянской верой, в одном из них приводится, например, молитва зырянина Миколы: «Милуй, так милуй, а то я тебя колю»⁶¹. Рассказы об «инородцах» — мордвинах, карелах, вотяках, зырянах, характерные в прошлом для фольклора разнонациональных районов, ушли из народного репертуара. Для образа жизни советских людей, для их психологии характерно освоение духовных богатств разных народов, использование «чужих» песен и сказок как своих. Поэтому так сложно выявить этническую специфику фольклора отдельных народов СССР, особенно взаимоотношений его с фольклором непосредственных соседей.

Наиболее существенно в современном процессе перехода фольклора от одного советского народа к другому не сохранение сюжетов и мотивов, не внесение локальных деталей, не использование отдельных приемов, а изменение функции фольклорного произведения. Естественно, что поскольку фольклор — искусство, его основная функция, но не единственная, — функция эстетическая. При многофункциональности фольклора важно соотношение в нем отдельных функций и степень их подчиненности доминантной функции. Среди различных функций фольклора (эстетических, идейных, воспитательных, познавательных, развлекательных и т. д.) большую роль играли этнические (точнее, этноразличительные) функции, приобретающие нередко характер знаковости. Именно знаковость в настоящее время уступает место другим функциям фольклора. Весь ход развития коми культуры, ее давняя близость к русской культуре предопределили легкость вхождения русских элементов в жизнь коми — в архитектуру и костюм, в изобразительное и музыкальное искусство, в обряды, обычаи и язык, в песенный и прозаический фольклор. Давний процесс этот особенно активизировался после Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с этим резко меняются этнические функции фольклора. Не только песни, но и сказки, и даже предания теряют свою этническую специфику, свою знаковость, впитывают в себя элементы русской традиции, которые не осознаются как чужие, а воспринимаются как исконно свои. Превалирование в современном сказочном репертуаре коми и их русских соседей общих тем, сюжетов, образов, даже близких художественных приемов не случайно, так как едино идейное содержание фольклора, едины основные его тенденции. В выработке национального характера бытующих в современном репертуаре коми сказок, в их соотношении с русской сказочной традицией, очевидно, равную роль сыграли и типологические процессы, имеющие место в развитии сказок народов мира, и постоянное взаимодействие со сказками соседствующих народов — удмуртов, ненцев и прежде всего русских. Все это ставит перед будущими исследователями коми сказок сложные, трудноразрешимые, но крайне интересные задачи.

THE RUSSIAN FAIRY TALE IN KOMI ORAL REPERTORY

Present-day ethnic processes are variegated; they differ functionally from one another and are extremely dynamic. Folklore is the most mobile element in ethnic-national culture. Bilingualism, which is typical for the Soviet national republics, leads to constant exchange of folklore at different levels. In connexion with the research into contemporary ethnic processes, the collection and study of folklore has gathered momentum in the various national republics including the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic.

In order to solve the problems of the present-day destinies of Russian and Komi folklore, as well as ethnographic problems in general, it is necessary to study the concrete facts as to the mutual influence of Russian and Komi oral prose. The works of students

⁶¹ Там же, с. 30.

and collectors show that the prolonged proximity of the Russians and the Komi and their constant intercourse in different spheres of economic and social life has had a marked effect upon their material and intellectual culture. Many pre-revolutionary collectors had noted the common features in Russian and Komi folk tales. Particular interest in these common features has been displayed by students in recent decades. The ethnic-national character of modern Komi folk tales in their relation to the Russian folk tale tradition was formed under the influence of processes typical for the evolution of folk tales of the peoples of the world, and equally — through constant mutual contacts with the tales of neighbouring peoples.

At present, when folklore productions pass from one Soviet people to another, it is not the new interpretation of the plots and motifs that is of most importance, nor the inclusion of local details or the use of particular devices, but the change in the function of oral literature, the loss of its role as an indicator of ethnic-national identity. Since the folklore process is an exceedingly complex one, researchers studying Komi folk tales are faced with difficult but very urgent problems.